

Живет в г. Ашкелон (Израиль). Визитная карточка участника.

Окраины Города

По окраинам иду города,
он по осени намыл золота,
будто пряников в меду горы там,
словно бродят не умы - солод там:

"Это, дядя, по дворцам - трезвые,
двери запер на засов - радуйся!
А у нас тут не толпа - лезвие!
Закаляется оно градусом!"

Как тут грошик не подать пьянице,
ведь про завтра говорят разное:
что Авроре Эрмитаж глянется
(застоялась в бобылях, праздная),

что матросы кумачи пыльные
поднимают над страной брошенной,
что подались в палачи ссыльные,
чтобы выбить из-под ног прошлое.

Только игры всё, да блажь марксова,
и не светит ни кола в Граде ей.
Скоро кончится мираж массовый -
на подходе Николай с гвардией.

Призрак чекиста

Ночной туман к костру подсел,
спустившись с насыпи скалистой.
Он вынул спички и кисет,
назвался призраком чекиста,
и хоть на взгляд ему не дашь,
но жаль оказию такую,
и был заточен карандаш -
авось, когда опубликую:

-В каком году расстрелян был?
-Кто из друзей писал доносы?
-И что бы было, если бы
промедлил Гитлер с "Барбароссой"?"

Он удивления не скрыл,
достал табак, клочок "Известий"
и самокруткой заискрил,
дымя на рой зудящих бестий:

"Эх, молодежь - вынь да положь -
пороли вас, потомков, мало.
Готовы грош платить за ложь,
а кто ж под нож, за идеалы?
Сороковой цингой страдал,
но продолжал к границам литься.
Неурожайная страда? -
Новейший танк на вес пшеницы!
Доколе Клейстам пировать,
румынской нефтью упиваться?!
Всех танков Рейха - тысяч пять,
мы ж у границ держали двадцать!
И сорок первого июль
порвал кордон на аты-баты -

познал жиреющий куркуль
свободу пролетариата!
От Апеннин до Филиппин
единый род, одна порода -
извел советский гражданин
врагов Рабочего Народа!
Эй, там, за морем! Спи, буржуй,
беспечен, общечеловечен!
Осталось взять одну межу,
и мир-труд-май вам обеспечен!"

Кляня свой старческий склероз,
он что-то бормотал про нары
и, уходя, с собой унес
предел мечтаний коммунара.
Пора и мне сомлевших коз
пастушьей скучивать гитарой
и направлять в родной колхоз,
укрытый в скалах Гибралтара.

Лет сто назад

Почто растрачиваешь пыл? Не горячись ты.
Я в прошлой жизни белым был, но был ли чистым,
из тех, которых чисть, не чисть - белей не стать им?

Лет сто назад я был плечист, высок и статен,
играли марш, сиял мундир, вздыхали дамы:
- Таких орлов и на фронтир...
- Орлов? Тот самый?
И возмущался коммерсант:
- Не стоит риска!
Когда полмира на весах, то мир не близко!
Народ готов пойти ко дну за первым встречным,
а вы толкаете одну и ту же речь нам!

И он кричал бы, но кому? Никто не верил
в народовластие коммун, в коллапс империй.
"Народ един!"
"Плечом к плечу!"
"За Русь радея!"
Но из вольтеровых причуд росла Идея,
точила общее копье: "Прицелься, ну же!
Когда царя в себе убьешь, то бог не нужен!"

Так, возводимая в абсурд, она смелела,
что не страшил ни божий суд, ни тень расстрела.
Всё норовила в спину штык. А мы белели
рубцом заштопанной мечты на красном теле.

Какого цвета у держав должно быть знамя,
чтоб умереть, но удержать? И мы не знали...
Черней корниловской тоски? Красней стыда ли
за то, что были так близки, но опоздали?

Почто растрачиваешь пыл? Не горячись ты.
Я в прошлой жизни белым был, а мог бы - чистым.
Дана мне нынешняя жизнь для искуплений.
Как и тебе.
Не горячись,
товарищ Ленин.

